

Д. БЫКОВ

Смерть, да и только

Свидетельствую: после просмотра «Тельца» — фильма Сокурова о Ленине — я слышал в Доме кино мнения самые разные, большей частью отрицательные, и слышал их от людей неглупых, вполне почтенных. Однако ни одной отрицательной рецензии на картину — по крайней мере в бумажных СМИ — пока не встречал. И это совершенно объяснимо.

Как и всякое катастрофическое время, наша эпоха порождает героев. Герман¹ десять лет снимал картину — виват Герману. Любые претензии к ней заведомо снимаются его неподдельным авторским мученичеством. Васильев² годами страдает в своей творческой лаборатории — хвала затворнику! Сокуров снял очередное кино про вождя — хвала Сокурову! Ведь сокуровский миф в нашем кинематографе — едва ли не самый живой и востребованный!

Я и сам не собираюсь ругать Сокурова. Отличить мастера от шарлатана всегда легко, и пролегает водораздел по несколько неожиданной линии: мастер — как бы бледны или невнятны ни были временами его творения — разбирается с собственными комплексами и обращается к небесам, шарлатан больше всего интересуется реакцией общества на свой труд и возможными имиджевыми выгодами этой реакции. Сокуров, безусловно, решает свои внутренние проблемы. Правда, потрафлять личному мифу он научился очень грамотно. Вот я и пытаюсь разобраться с двумя мифами сразу — ленинским, который Сокуров развенчивает, и его личным, который он творит.

Сценарии Юрия Арабова³, поэта, кинодраматурга, философа и вообще человека исключительного ума, в последнее время кажутся мне много интереснее их экранных воплощений: не зря ведь «Молох» — фильм Сокурова о Гитлере — получил в Канне приз именно за сценарий. То, что пишет Арабов, — и точнее, и вырази-

тельнее, и неоднозначнее того, что снимает Сокуров (может, просто литература по своему воздействию не так тоталитарна, как кинематограф?). Что касается собственно «Тельца», то, на Мой взгляд, Сокуров сделал на этот раз исключительно упрощенную картину, в которой Ленин как историческая фигура не только не подвергается анализу, но и вообще не принимается в расчет. Процесс распада личности, увы, примерно одинаково выглядит у всех — будь то гений, чудовище или посредственность. Визуальность, наблюдение за умирающим беспомощным телом — доминанта сокуровской картины подчиняет себе все прочие задачи и губит текст. Обрывки фраз, которые у Сокурова бормочет Ленин (Л. Мозговой), ровным счетом ничего не добавляют к точным наблюдениям за физиологией распада. А бормочет герой дельные вещи — насчет ледяной пустыни, в которой птицы падают от холода, а потому только террор... только террор (почти Победоносцев: «Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек»⁴).

Сокуров в своих интервью (довольно щедрых на автоинтерпретации) проводит истинно шестидесятническую границу между Лениным и Сталиным: Ленин еще немного человек, Сталин уже совсем не человек... Однако непонятно, чем же этакий Ленин отличается от Сталина? Сталин, кстати, — единственная настоящая удача картины, потому что он-то как раз личностью наделен. Сергей Ражук⁵ играет его на пределе сил: такой он был или не такой, а его видно. Плебей в классическом смысле, без всяких моральных ограничений. Но, боюсь, у Ленина с моральными ограничениями все обстояло еще хуже — какое-то поразительное врожденное их отсутствие, морально все, что выгодно (классу, ну и мне, как его орудию), — а кажущаяся совесть Ленина на фоне бессовестности Сталина остается иллюзией, порождаемой болезнью Ленина и железным здоровьем Сталина. Так, во всяком случае, в фильме. И иллюзия эта самого простого, самого визуального свойства. В разговоре о Ленине и Сталине Сокуров делает откровенно слабый, хотя и хорошо просчитанный ход: подменяет метафизику клиникой. Видимо, исходя из того, что паралич выглядит достаточной расплатой «за жизнь воровскую твою».

Ленин в исполнении Леонида Мозгового — никак не Ленин, и Крупская в отличном, надо признать, исполнении Марии Кузнецовой⁶ — даже близко не Крупская. Я понимаю, что таких Ленина и Крупскую анализировать и деконструировать гораздо проще: оба одинаково беспомощны (он еле ходит, она не умеет выстирать подштанники, вечно растрёпана, чулки ползут), оба стары, оба думают только о смерти и о собственной физиологии, над которой постепенно утрачивают контроль (хорошо еще, не описал-

ся никто). Такой сорокино-петрушевский⁷ способ поверять всех актом дефекации, часто неконтролируемой.

Но Ленин — воплощенный триумф воли, и собственное телесное бессилие беспокоило его в последнюю очередь. Его беспокоила судьба дела, а дело на глазах рушилось. Потому что не было вокруг него людей, подобных ему, для которых историческая цель была важнее личной слабости, личных амбиций, личной жажды власти и т. п. Ленин потому так и загадочен, что личность его скрыта, подавлена: чистый инструмент, воплощенное служение. Даже идеологии нет никакой. И главная трагедия жизни Ленина — во всяком случае, последних ее лет — была, подозреваю, связана как раз с тем, что история вдруг волшебным образом ускользнула из его рук. На какое-то время он был востребован, им (со всей его идеологией, со всем его искренним желанием принести в Россию свободу и равенство) цинично воспользовались — причем воспользовалась не мировая закулиса, а тот самый мистический и одновременно очень прозаичный Ход Вещей, в котором Никто Не Виноват. Он мечтал манипулировать — и, в полном соответствии с всеобщим мировым законом, сам оказался главной жертвой манипуляции. Мечтал установить свободу — а вместо того кардинально реформировал империю, после чего его одновременно покинули и дух истории, благодаря которому он с горсткой соратников был беспрецедентно удачлив, и здравый смысл. Болезнь наступила тогда, когда отлетел темный гений исторического развития, то есть когда вместо вождя Ленина остался отработанный Владимир Ульянов.

Но этой мистики истории у Сокурова нет и близко — как всякий минималист, он на каждом шагу сужает и облегчает свою задачу. Для него аморален любой политик, а трагедия Ленина именно в том, что он победил в себе человеческое. Причем нравственность — а точнее, безнравственность его — поверяется природой. Я сильно сомневаюсь, однако, что у природы в смысле нравственности дела обстоят сильно лучше, чем у Ленина. Они, по-моему, одинаково подчиняются законам целесообразности и никаких сантиментов не признают...

Впрочем, выудить из сокуровского фильма можно и прямо противоположные интенции. Можно, например, придумать, что природа и Ленин как раз кровно близки: телец мычит, и Ленин мычит. А стало быть, высокие стебли, в которых он путается, — явление того же порядка, что и его власть. «И равнодушная природа»⁹... Господи, да мало ли что можно придумать! Я сталкивался уже с самыми разными трактовками названия. Одни утверждают, что оно восходит к мифу о тельце, которого евреи себе изготовили для поклонения. Другие говорят, что речь идет о жертвенном

тельце (можно придумать ветвистую концепцию насчет того, что Ленин и есть тот телец, которого отец велел закласть по случаю возвращения блудного сына, который, в свою очередь, есть народ, вернувшийся к естественному для него крепостному состоянию)... Концепции выдумывать легко. Сокуров делает все, чтобы этому не мешать, чем здорово повышает самоуважение критиков.

Для меня очевидно одно: жалкий полупаралитик, у которого из носу достают козявку, — не Ленин. Не вождь. И не тема для историософского анализа. Никакое развенчание и никакая деконструкция не оправдывают главной сокуровской подмены: всякий человек жалок в своей телесной немощи. Но между человеком и его телесной немощью существует, как бы сказать, определенный зазор. И если человек тождествен своему больному телу, я, право, уж и не знаю, о чем тут можно разговаривать дальше. Такая точка зрения означает уже минимализм и редукцию в какой-то небывалой степени: полный запрет на высокие помыслы и столь же полная сосредоточенность на позывах своего организма... Но видеть в этом гуманизм и художественную гармонию я, воля ваша, отказываюсь.

Вот эта неспособность страны и лучших ее художников проанализировать собственно исторический опыт, эта подавленность телесным, простым и очевидным заставляют меня предполагать, что темный гений истории отлетел не только от вождей страны, но и от нее в целом. Мало ли еще осталось стран на свете, где сегодня идет этический и социальный поиск. Но не наш это теперь удел.

«Телец» тому подтверждение. Чего-чего, а интуиции Сокурову не занимать.

